

III ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»

УДК 328

О.Ю. Малинова

ТЕОРИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ ПАРЛАМЕНТА В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

На примере восприятия элитой и обществом представительной функции парламента в статье продемонстрированы возможности анализа символической стороны политики для изучения восприятия парламентаризма в постсоветской России. Дана краткая характеристика особенностей символического подхода к анализу политики. На основе наблюдений, сделанных в ходе коллективного исследования человеческого капитала российских политических элит, проанализированы смыслы, вкладываемые в отношении представительства членами политической элиты и массовых групп.

Ключевые слова: *символический подход к анализу политики, политический символизм парламента, теория представительства.*

Несмотря на свой двадцатилетний стаж, современный российский парламентаризм по-прежнему остается сравнительно новым политическим явлением. Для понимания особенностей его развития нужно изучать не только практику формирования и функционирования законодательной и представительной власти на федеральном и региональном уровне, но и ее восприятие обществом. Эта задача может решаться в рамках различных подходов. В докладе я продемонстрирую некоторые возможности анализа символической стороны политики. Охарактеризовав особенности данного подхода, я анализирую символическое наполнение парламентаризма в российском контексте на примере восприятия элитой и обществом его *представительных функций*.

Отцом-основателем изучения символических аспектов политики по праву считается американский исследователь Мюррей Эдельман, утверждавший, что адекватное объяснение политического поведения не может не учитывать «формирование общих смыслов и их изменение в процессе символического постижения группами людей интересов, бремени обстоятельств, угроз и возможностей» [1. Р. 2]. В книге «Символическое использование политики» (1964 г.) он попытался объяснить существенный разрыв между теоретическими предположениями относительно функционирования политических институтов и тем, как они работают в действительности, выявленный к тому времени эмпирическими исследованиями его коллег, с помощью анализа смыслов, которые привычно вкладываются в те или иные политические действия, роли и институты [2]. В этой и других работах в числе прочего он ис-

следовал роль символической коммуникации в функционировании административных и законодательных органов власти.

Подход, предложенный Эдельманом, не породил научной школы; однако к настоящему времени существует солидное количество исследований, посвященных изучению символической составляющей политики, понятийный аппарат и методологический арсенал которых отличаются заметным разнообразием.

В частности, в контексте темы следует упомянуть две монографии австралийского политолога Грема Гилла [3–4], посвященные анализу символизма советской и российской политики. Рассматривая «символизм политической арены» в качестве важного фактора постсоветского транзита, Гилл анализирует новую систему политических институтов с точки зрения порождаемой ими институциональной культуры. По его мысли, политические системы порождают свою собственную «институциональную культуру», отражающуюся в наборах символов и образов, с которыми она ассоциируется. На этапе трансформации политического режима контуры этой институциональной культуры возникают как результат коллективных действий игроков на соответствующих политических аренах [4. Р. 79–80]. В конечном счете, автор приходит к выводу, что институциональная культура постсоветских политических арен в 1990–2000-х гг. находилась в очевидном противоречии с официальной демократической риторикой, что порождало символическую непоследовательность, препятствовавшую формированию новой смысловой схемы, способной заменить советский метанарратив [4. Р. 133].

Изучение символической составляющей политики может опираться на эмпирические данные, требующие разных методов анализа. Весьма популярным является изучение политической риторики, основанное на всевозможных методах исследования текстов (контент-анализ, дискурс-анализ, интент-анализ и т.п.) и анализе репрезентаций политических объектов в СМИ (в том числе и с применением визуальных методов). Значительное количество работ сконцентрировано на реконструкции символических «импульсов» политических институтов; при этом используются различные теоретические парадигмы – от структурного функционализма и рационального выбора до социального конструктивизма и неоинституционализма (разумеется, здесь возможны различные комбинации). Наконец, важной составляющей политико-символического анализа является изучение социально разделяемых представлений, связанное с интерпретацией данных опросов, глубинных интервью, фокус-групп, контента социальных сетей и т.п. Я буду использовать последний из перечисленных подходов.

Несмотря на наличие исторических «предшественников» [см.: 5], возникший в 1993 г. институт парламента является для России сравнительно новым; он предполагает новое качество законодательной власти, которое нуждается в осмыслении и освоении. Как известно, парламент – это выборный высший законодательный и представительный орган власти, который контролирует правительство (а в ряде стран и формирует его), принимает бюджет, служит ареной для обсуждения проблем общества и направлений его развития, а также механизмом согласования интересов различных социальных и политических сил. Кроме того, парламент является важным каналом

рекрутирования политических элит. Все эти функции сопряжены с формированием сложного набора смыслов и образов. В рамках данного доклада я сосредоточусь лишь на одном аспекте символизма парламента – его представительном характере. Опираясь на анализ высказываний членов федеральной политической элиты и данные недавних опросов общественного мнения, я попытаюсь проследить, каким образом это качество парламента осмысливается элитой и обществом, продемонстрировав таким образом некоторые возможности рассматриваемого здесь подхода.

Следует заметить, что смысл представительства можно понимать по-разному. Как известно, в политической теории существует несколько нормативных моделей, разработанных на разных этапах развития европейского и североамериканского парламентаризма.

Модель доверенного лица, которую часто связывают с именем Э. Бёрка, рассматривает представительство как моральную обязанность: предполагается, что избиратели выбирают тех, чьей способности суждения они доверяют, и представители действуют от их лица, как считают нужным. Эта модель предполагает сугубо элитистский поход; она фактически отождествляет образованность с развитым чувством социальной ответственности, за что небезосновательно подвергается критике. В рамках этой модели представительство ассоциируется с высокими моральными и интеллектуальными способностями, которые ставят народных избранников в особое положение.

Являющаяся ее антиподом *модель делегата* рассматривает представителя как рупор для выражения мнений избирателей; предполагается, что делегаты не должны следовать собственным суждениям и склонностям. Как и предыдущая, эта модель сконструирована теоретически и не применяется в политической практике в чистом виде, но реализуется в некоторых принципах дизайна представительных институтов (регулярные выборы, короткий срок властных полномочий, право отзыва депутата, использование референдумов в качестве дополнения к обычному законодательному процессу и т.п.). В данном случае смысл представительства видится в лояльности избирателям и способности точно выражать их интересы.

В отличие от первых двух моделей *модель мандата* отражает реальную практику партийного представительства: выигрывая выборы, партия получает мандат, уполномочивающий ее на реализацию политики, соответствующей предвыборным обещаниям. Впрочем, эта модель тоже не вполне точна, ибо безосновательно предполагает, что избиратели голосуют за программы, причем делают это рационально. Получается, что представительство связано с лояльностью партии и способностью последней выполнять предвыборные обещания (хотя это не всегда от нее зависит).

Существуют и другие модели представительства. Например, некоторые радикальные теоретики предлагают рассматривать представительный орган как копию общества в миниатюре, *микрокосм*. С точки зрения этой модели представительство ассоциируется с принадлежностью к представляемой социальной группе и «знанием» ее опыта. Будучи весьма уязвимой для критики, эта модель дает о себе знать в некоторых избирательных практиках (например, квотировании), которые обсуждаются и в российском контексте. Не рассматривая этот набор моделей как исчерпывающий, я использую его как

инструмент для различения смыслов, вкладываемых в отношения представительства членами политической элиты и массовых групп.

Для анализа дискурса элиты я воспользуюсь наблюдениями, сделанными в ходе коллективного исследования человеческого капитала российских политических элит [6]. В рамках этого проекта были проанализированы более 150 интервью представителей федеральной политической элиты, данные СМИ в 2008–2009 гг. В данном случае я опираюсь на интервью 12 депутатов Государственной думы, представлявших разные фракции.

Обращает на себя внимание, что объект своей заботы российские политики чаще всего определяют словом «люди»; иногда – «население»; гораздо реже – «граждане» или «народ». Таким образом, основным визави власти оказываются «люди», т.е. масса индивидов, не обладающая коллективной субъектностью. Отношения с нею мыслятся скорее в категориях морального должностования (*власть должна «решать проблемы людей», обеспечивать их «потребности»* (но не интересы!)), нежели права. Причем большинство политиков говорят о своей обязанности помогать «людям» вообще, избегая прямых обращений к конкретным адресным группам. Некоторое исключение на этом фоне составляет риторика депутатов-коммунистов, которые подчеркнуто апеллируют к «массе трудящихся». Однако и в их выступлениях упоминания о «людях» вообще – не редкость. На мой взгляд, такое восприятие отношения между властью и теми, кого она представляет, ближе к элитистской модели доверенного лица.

В проанализированных публичных выступлениях депутатов, безусловно, доминирует патерналистская линия отеческой заботы о «людях», которая подкрепляется представлениями о пассивности населения (примечательно, что оппозиционными политиками она воспринимается как качество, которое в перспективе следует менять). При этом «воспитание» масс тоже мыслится в категориях патерналистской заботы со стороны власти (*«Неужели сейчас... мы не можем прозреть, перестать быть слепыми и глухонемыми и обеспечить нормальное развитие нашим гражданам? Научиться им все разъяснять, растолковывать, не молчать?»* (Жириновский, 19.05.2009); *«основная часть (общества. – О.М.) ищет в повседневной жизни материальных выгод для себя. Мы зря упускаем из вида прагматическую основу сознания масс, не умеем использовать ее в высоких политических целях»* (Зюганов, 31.10.2009)). Таким образом, возникает перевернутое отношение: народные избранники не только говорят от имени народа, потому что лучше его самого понимают его истинные нужды, но и претендуют на роль его воспитателей.

Интересно также посмотреть, какие собственные качества члены политической элиты стремятся подчеркивать в своих публичных выступлениях. Общий принцип саморепрезентации можно выразить словами из интервью Б. Грызлова: *«Люди должны всегда видеть, что народные избранники делают все для профессионального решения задач развития России»* (Грызлов, 25.12.2009). При этом представители исполнительной власти делают упор на демонстрацию собственной компетентности, а нуждающиеся в электоральной поддержке депутаты больше концентрируются на теме «помощи людям», нежели на «скучных» подробностях своей законодательной деятельности (хороший пример – аргументы В.В. Володина по поводу поспешности, с ко-

торой принимался бюджет 2009 г.: *«Так надо быстрее помогать людям. Человеку надо помогать, или бумаги гонять по кабинетам?»* (Володин, 28.04.2009)). В подобном стремлении представить заботу о «людях» в качестве главной профессиональной обязанности представителя можно увидеть черты модели делегата – правда, скорее на риторическом, нежели на деятельностном уровне.

Что касается модели партийного мандата, вопреки стремлению связать представительство с партиями, выразившемуся в замене смешанной избирательной системы пропорциональной, она слабо прослеживается в рассуждениях депутатов. И это неудивительно, поскольку в силу безусловного доминирования исполнительной власти, формируемой по внепартийному принципу, модель мандата не соответствует российской политической практике. С большой натяжкой ее следы можно обнаружить в выступлениях представителей «Единой России» (*«Впервые лидер партии парламентского большинства стал Председателем Правительства. Тем самым закладывается важная политическая традиция...»* (Грызлов, 5.07.2008); *«Сегодня в столице эффективно решаются социальные вопросы, многое сделано для защиты старшего поколения, оказывается поддержка малому бизнесу. Люди это видят и отдают голоса той партии, которая сможет и дальше находить решение проблем»* (Володин, 13.10.2009)). Вместе с тем любопытно, что партийная модель представительства в условиях доминирования одной партии рождает негативные ассоциации с «монополией КПСС».

Таким образом, на основе проанализированных текстов можно сделать вывод, что понимание представительства членами российского законодательного корпуса ближе к модели доверенного лица. Преимущественно в этой логике они изображают данную политическую роль в выступлениях, адресованных широкой публике. Напомню, что эта модель предполагает доверие, основанное на высоких моральных и интеллектуальных качествах народных избранников. Соответствует ли изображение представительства самими представителями его восприятию гражданами?

Данные опросов общественного мнения скорее свидетельствуют об обратном. Согласно проведенному в апреле 2013 г. опросу ВЦИОМ, говоря о «депутатах Госдумы», избиратели чаще всего испытывают негативные эмоции. Их считают образованными профессионалами, но нечестными, своекорыстными и оторванными от населения. Относительное большинство россиян (37%) видят суть работы депутатов в принятии законов. 18% считают, что их призвание – заботиться о народе, 5% – заниматься государственными делами, 4% – обсуждать важные вопросы. С другой стороны, 12% полагают, что они бездельничают, 6% – что они решают свои личные вопросы, 4% – стремятся к обогащению [7].

Доля тех, кто скептически оценивает роль народных представителей, еще выше в опросе Левада-Центра, проведенном в феврале 2014 г. По его результатам лишь 13% россиян полагают, что отечественный парламент нацелен на формирование правовых условий для реального развития страны, 27% уверены, что деятельность Госдумы сводится в основном к тому, чтобы одобрять разработанные в правительстве законы, 37% полагают, что для народных избранников пребывание в парламенте — способ решить свои личные пробле-

мы, 15% ничего не знают о работе Думы, 8% затруднились с ответом [8]. При этом, по данным, полученным в ноябре 2013 г., лишь 45% респондентов заявили, что они в общих чертах осведомлены о том, чем занимаются депутаты, каковы их политические цели и предпочтения, 3% считают себя хорошо осведомленными, а 49% – совершенно неосведомленными [9].

Другими словами, массовые слои общества плохо информированы о деятельности народных представителей, что, казалось бы, дает им свободу действий, предполагаемую моделью доверенного лица. Однако представления сограждан об исполнении ими своих ролей слабо соответствуют характерным для данной модели высоким требованиям к моральным и интеллектуальным качествам депутатов. В результате возникает символический диссонанс, иллюстрацией которого могут служить многочисленные сатирические фотографии, коллажи и карикатуры, высмеивающие поведение народных избранников.

Вместе с тем нельзя сказать, что в российском обществе не существует запрос на иной символизм представительства. Об этом свидетельствует протестное движение 2011–2012 гг. в Москве и ряде крупных городов, вызванное фальсификациями результатов выборов в Государственную думу. Анализ визуального материала протестных акций может дать интересный материал для понимания содержания этого запроса.

Литература

1. *Edelman M.* Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. – Chicago: Markham Publishing Company, 1971. – IX, 188 p.
2. *Edelman M.* The symbolic uses of politics. – Urbana: University of Illinois Press, 1964. – 201 p.
3. *Gill G.* Symbols and legitimacy in Soviet politics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – VI, 356 p.
4. *Gill G.* Symbolism and regime change: Russia. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – VIII, 246 p.
5. *Парламентаризм в России и Германии: история и современность /* отв. ред. Я.А. Пляйс, О.В. Гаман-Голутвина. – М.: РОССПЭН, 2006. – 582 с.
6. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е.Б.Шестопа, А.В.Селезневой. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2012. – 342 с.
7. *Депутат Госдумы: Образ идеальный и реальный //* Пресс-выпуск ВЦИОМ. –№ 2289. – 25.04.2013. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113991> (дата обращения 5.04.2014).
8. *Деятельность Общественной палаты и Госдумы //* Пресс-выпуск Левада-Центра. – 24.02.2014. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-02-2014/deyatelnost-obshchestvennoi-palaty-i-gosdumy> (дата обращения 5.04.2014).
9. *Общественное мнение о деятельности Госдумы и депутатах //* Пресс-выпуск Левада-Центра. – 26.11.2013. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-11-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-deyatelnosti-gosdumy-i-deputatakh> (дата обращения 5.04.2014).

Olga Malinova, PhD, Chief Research Fellow at Institute of Social Sciences and Humanities Information of Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: omalinova@mail.ru

THE THEORY OF REPRESENTATION AND POLITICAL SYMBOLISM OF PARLIAMENT IN THE RUSSIAN CONTEXT

Key words: *symbolic approach to study of politics, political symbolism of parliament, theories of representation.*

The article deals with perception of the representative function of the parliament by elite and mass society thus demonstrating possibilities of the symbolic approach to study of perception of parliamentarism in post-Soviet Russia. It starts with discussion of particular features of symbolic approach to

study of politics. Basing at observations made in the collective project of human capital of the Russian political elites it analyses meanings ascribed to representation by the members of elite and mass groups. It takes as an instrument of analyses the normative models of representation developed at different stages of parliamentarism in Europe and the US. The author comes to the conclusion that the notion of the nature of parliamentarism articulated in the discourse of the deputies of the State Duma is most close to the elitist model of trustee. The representatives not only speak by the name of the people because they understand its needs, but also pretend to teach it about its true interests. They tend to represent a concern for people's welfare as their key professional duty which could be interpreted as an element of the model of delegate – even if only in rhetoric. At the same time in spite of the efforts aimed at strengthening of party representation the model of the party mandate is very rare in the discourse of the Russian parliamentary politicians. It could be explained by the fact that the system of political decision-making is dominated by the executive power that is not formed by the principle of party representation. So, the symbolism of parliament articulated in the discourse of the deputies of the State Duma is close to the model of trustee. However, analysis of surveys of VTsIOM and Levada-center demonstrates that mass perceptions of the Russian parliament do not correspond to high moral standards of people's representatives supposed by this model. So, there is a clear dissonance between perceived and articulated symbolism of the parliament. At the same time the protest movement of 2011-2012 gives an evidence that at least some part of the Russian society demonstrates a demand for the other meanings of political representation.

References

1. Edelman M. *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence*. Chicago: Markham Publishing Company, 1971. IX, 188 p.
2. Edelman M. *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.
3. Gill G. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. VI, 356 p.
4. Gill G. *Symbolism and regime change: Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. VIII, 246 p.
5. Plyays Ya.A., Gaman-Golutvina O.V. (eds.) *Parlamentarizm v Rossii i Germanii: istoriya i sovremennost'* [Parliamentarism in Russia and Germany: the past and present]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. 582 p.
6. Shestopal E.B., Selezneva A.V. (eds.) *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh politicheskikh elit. Politiko-psikhologicheskii analiz* [Human capital of the Russian political elite. Political and psychological analysis]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012. 342 p.
7. Deputat Gosdumy: Obraz ideal'nyy i real'nyy [The State Duma deputy: the ideal and real images]. *Press-vypusk VTsIOM – VCIOM Press-bulletin*, no. 2289 (25th April 2013). Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113991>. (Accessed: 5th April 2014).
8. Deyatel'nost' Obshchestvennoy palaty i Gosdumy [Activities of the Public Chamber and the State Duma]. *Press-vypusk Levada-Tsentra*, 24th February 2014. Available at: <http://www.levada.ru/24-02-2014/deyatelnost-obshchestvennoi-palaty-i-gosdumy>. (Accessed: 5th April 2014).
9. Obshchestvennoe mnenie o deyatelnosti Gosdumy i deputatakh [Public opinion on the activities of the State Duma and deputies]. *Press-vypusk Levada-Tsentra*, 26th November 2013. Available at: <http://www.levada.ru/26-11-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-deyatelnosti-gosdumy-i-deputatakh>. (Accessed: 5th April 2014).